

*Новгородский областной колледж искусств
им. С.В. Рахманинова - 60*

*Литературно-музыкальная композиция
«Здравствуй, добрый гений!»
посвящена 220-летию со дня рождения
Александра Сергеевича Пушкина*

*Преподаватель сценической речи
заслуженный работник культуры РФ
Ольга Васильевна Юрионас-Юрганс
Музыкальное оформление и сопровождение
Эвелина Соколова*

*Великий Новгород
2019*

Есть имена, как солнце! Имена –
Как музыка! Как яблоня в расцвете!
Я говорю о Пушкине: поэте,
Действительном в любые времена!

Я полюбил его на утре детских лет,
Когда его слова, родным касаньем ласки,
Переплелись во мне с мечтой народной сказки,
И я в саду искал- волшебниц тайный след.

Позднее, в юности, когда огнем одет,
В запретный мир любви я глянул без опаски,
Когда кружился я в воспламененной пляске,
Я знал, что спутника желанней в мире нет.

Я забывал его, ища свой путь отдельный.
Я в звуки уходил, которые – мои,
В них долгий светозвон в напевном забытьи.

Но вновь меня к себе манил художник цельный.
Испивши- чрез него – от огненной струи,
Как не хотеть опять быть в буре беспредельной?

Здесь стихи А.С.Пушкина по выбору исполнителей

Внимая юному поэту,
Смолк Александровский Лицей.
В окно врывался сноп лучей,
Блестя по гладкому паркету...
И отражали зеркала:
Толпу торжественно-немую,
Кайму блестяще-золотую
Сукном покрытого стола
И юных лицейцев лица,
Мундиров синих стройный ряд:
Позолоченные петлицы
И штофной мебели наряд.
Пленяя чуткое вниманье,
Стеснив волнение в груди,
Читает Пушкин впереди
В стихах свои «Воспоминанья»
О царскосельской старине...
Зал, затаив свое дыханье,
Недвижно замер в тишине...
Несется весть, подобно вздоху,
Из уст в уста среди людей,
Свою прославивших эпоху:
«Поэта миру даст Лицей!»
В сердцах друзей горячим током
Восторг невольный пробежал...
А Энгельгардт окинул зал
Директорским и гордым оком...

Один Державин у стола
Дремал, склонив свои седины;
Вся в прошлом мысль его была,
Иные грезилась картины:
Вновь юность вспомнилась ему
И пышность прежняя столицы,
Когда он оды пел уму
И добродетели Фелицы...
А голос Пушкина сильней,
Торжественней и горячей
Пред ним звенел, не умолкая...
Так с горной высоты ручей
Несется, струйками сверкая...
И слуха чуткого достиг
Стих вдохновенного поэта,
И в сердце старика на миг
Ворвалось солнечное лето.
Встряхнув усталой головой,
Он думал: «Вот наследник мой!
Вот кто пришел на склоне жизни,
Чтоб заменить меня Отчизне...»
И с грустью светлою в глазах
Подходит к Пушкину Державин
И говорит: «Ты будешь славен», —
Благословив его в слезах.

* * *

Летят года на крыльях птицы
Неповторимой чередой...
Давно покинул шум столицы
Поэт, изгнанник молодой.
Он, в утро жизни встретив славу
(Едва расцвел блестящий дар),
Изведал сладкую отраву
И опьяняющий угар:
Успеха, лести, женских чар...
Водоворот и блеск столицы
Поэта юного увлек —
В огонь стремится мотылек —
Мелькают бурных дней страницы,
Меняя песни, чувства, лица...
Но час расплаты недалек:
Он смелой «Вольности» пел оды,
Стихией бунта увлечен:
И вот в изгнанье обречен
Влачить он молодые годы.

* * *

Шумит вдали сосновый бор...
Гуляет ветер по дорожкам...
Осенний дождик за окошком
Стучится в ставни будто вор
Или скиталец бесприютный...

Но тихо в горнице уютной:
Старушка вяжет свой чулок -
Шуршит и вертится клубок;
С ним серый кот у ног играет.
Свеча, колебля тусклый свет,
Морщины няни освещает.
Полузакрыв глаза, поэт
В старинных креслах отдыхает.
Встает былое перед ним:
Когда угрюм и нелюдим,
Родными в детстве не любим,
Он бабушке и старой няне
На попеченье отдан был
И слушать сказки их любил
О витязях, об Еруслане,
О старом их житье-бытье".
Поэт в дремотном забытьи:
— «Скажи мне сказку», — шепчет няне, —
«Про ведьму злую и сову
Иль королевича Бову".»
И няня, путая вязанье,
В мерцанье бледном у стола
Свое нехитрое сказанье,
Поправив чепчик, начала
— В далеком царстве за морями.»
Журчит сказанье о былом.
Ненастье плачет за дверями,
А кот мурлычет под столом.
Так коротали мирно осень
В селе Михайловском они,
Среди шумящих глухо сосен,
В усадьбе старенькой одни.
Их дом над краем косогора;
Внизу — река среди полей;
За нею бор; с боков озера
Блестят меж липовых аллей.
Аллеи прячутся в узорах
Сплетенных ветками стволов.
Шуршит опавших листьев ворох,
Как песня осени без слов.
Он в ясный день любил, мечтая,
Блуждать без устали один,
И Муза верная, слетая,
Будила песней сон долин.
Лишь озарится бор соседний
— Через луга, леса, пустырь
Любил ходить пешком к обедне
Он в Святогорский монастырь.
Иль любовался сквозь оконце
Волною золотистых нив,
Игрою Сороти, на солнце
Сверкавшей средь понурых ив,

Полетом птиц, когда их стая
Вдали кружилась над рекой,
И думал: «Осень золотая,
Люблю твой царственный покой.
Ты ничего не обещаешь
Красою сброшенных одежд;
Тревогой сердце не смущаешь,
Не шлешь несбыточных надежд.
Твою покорную усталость
Обвеют ледяные сны...
Растает легкой дымкой жалость
К мечтам, развеянными весны.
Так умирать спокойно может,
Кто чашу всю до дна испил,
Кого раскаянье не гложет,
Кто гордо и красиво жил».

* * *

Уже пушистыми снегами
Покрылся дремлющий простор,
И зимними объята снами
Холмы, долины, синий бор...
Блестя в серебряном наряде,
Стоит, раскинув ветви, ель,
И распустив седые пряди,
Кружится снежная метель.
Везде, куда ни кинешь взоры
— Все ослепительно бело,
И набросал свои узоры
Мороз трескучий на стекло.
Через опущенные шторы
Забрезжил бледный свет давно
В обледенелое окно...
В постели Пушкин... Впечатленья
Неясных снов пленяют ум...
Пылают весело поленья:
В камине легкий треск и шум.
Следы забавы с Музой нежной:
Листки разбросаны небрежно...
Шумит и брызжет через край
В столовой самовар кипящий,
И отвернувши кран блестящий,
Заваривает няня чай...
Вдруг слышит: колокольчик где-то
Все приближается, звеня,
И видит: Пуцин, друг поэта,
Во двор въезжает на санях!..
А Пушкин, соскочив с постели,
Забыв суровую зиму,
Среди бушующей метели
Навстречу кинулся ему!..
И вот друзья в объятьях пылких:

— «Мой Пушин, рад тебе до слез!...»
— «А я, друг Пушкин, три бутылки
Тебе шампанского привез...»
Арина радостно хохочет,
В салопе глядя из дверей,
Зовет их в горницы скорей.
Никита весело хлопочет
И выпрягает из саней
Заиндедеввших лошадей.
Все оживилось в доме старом:
В дверях мороз клубится паром,
В сенях от снега мокрый след...
И потекли за самоваром
Воспоминанья прежних лет...
Что нежно в памяти хранимо —
Всегда чем дальше, тем свежей...
— «Скажи, что Дельвиг мой любимый,
Душа лицейских кутежей?..
Эросу, Вакху так же верен
Неподражаемый Каверин?
Все так же ль девами любим?
Как мы гордились дружбой с ним!
Что Кюхельбекер благородный?
По-прежнему ль его стихи
Тяжеловесны и сухи?..
Что Горчаков, красавец модный? »...
Воскрес в мечтах бывлой Лицей
В весенней прелести своей...
Пусть за окном бушует вьюга —
При свете дня и при огнях
Уютно грезить возле друга
О прошлых и грядущих днях.
Узнал он новости большие:
Гроза сдвигается кругом...
Опять волнуется Россия,
И скоро грянет первый гром!..
Потом под хлопанье бутылок,
Под легкий звон ножей и вилок,
Когда шампанским засверкал
До края налитый бокал —
Поэт с беспечностью повесы
О днях скитанья вспоминал
И от Кавказа до Одессы
Свой путь картинно рисовал...

Все, что хранил в воспоминанье:
Дуэли, женщин, кутежи -
Поведал Пушкин... «Друг, скажи,
— Промолвил Пушин, — ведь изгнанье
В расцвете юношеских лет
В душе оставило свой след?..»
— «Конечно, Пушин, след остался...

Я ранний свой либерализм
Легко сменил на байронизм:
В плаще Гарольдовом скитался,
Красивой позой увлекался...
Теперь познал я новый мир:
О, Пушкин, как велик Шекспир
И мудро-прост! Совсем ничтожен
Лорд Байрон перед ним и ложен.
Герои Байрона всегда
Так неестественны, не живы...
Но как глубоки и правдивы
Трагедии Шекспира!.. Да,
Я очень заблуждался прежде...»
- «Жуковский, Вяземский и я,
— Промолвил Пушкин, — мы в надежде,
Что если молодость твоя
Была блестящей эпиграммой —
То будущее станет драмой,
Или поэмой...» — «О, друзья!
Когда мне возвратят свободу —
Я жизнь отдам стране, народу!
Все мысли — Музам и перу,
Искусству, правде и добру...»
И долго не смолкали речи,
Хоть час полночный наступал...
Мерцая, догорали свечи...
Камин устало потухал...
И где-то пела, затихая,
Во мраке зимняя метель...
А Родионовна, вздыхая,
Себе готовила постель.
Старушка смутно понимала
— Всего наслушавшись за день —
Что над столицей нависала
Опять событий грозных тень...

* * *

Когда ненастья туча злая
Объяла Русь со всех сторон,
Устав душой, оставил трон
Царь Александр для Николая.
Тогда гвардейские полки,
Озарены мечтою братской,
Примкнув мятежные штыки,
Сошлись на площади Сенатской...
И вновь спокойна гладь реки...
Грозой промчались декабристы:
В Сибири дальней стихнул гром,
И след исчез под серебристым
Безбрежным, снеговым ковром...
И чтобы тяжесть впечатленья
Скорей растаяла, как тень —

Балы, приемы, развлечения
Чередовались каждый день...
И вот по слову Николая
На волю вырвался поэт
И, бурной радостью пылая,
Увидел вновь Москву и свет!
Москву! где празднично блистая,
Сияли ярко купола;
Где всюду осень золотая
Янтарь и пурпур разлила;
Где лучезарною улыбкой
Своих стихов он всех пленял...
Где Музе радостной и гибкой
Старик и юноша внимал...
Где часто девушки украдкой
О нем вздыхали в снах своих,
Любя в задумчивости сладкой
Читать его певучий стих...
Где быстро весть о появлении
Поэта, облетела всех,
И внес повсюду оживленье
Его блистательный успех...

На бале в тот же самый вечер
Заговорил весь высший свет
О том, как милостиво встречен
Был Императором поэт.

* * *

Взметая мысли ураганом,
Любовь приходит, как гроза!
Смущает ум, слепит глаза,
Все кроет огненным туманом.
Она, вливая в сердце яд,
Кует незримые оковы,
И за улыбку, милый взгляд,
За миг — мы жизнь отдать готовы.
И что бы ни несла любовь:
Блаженство, счастье иль мученье —
Но раз пришла: не прекословь,
Плати за призрак увлечения!
Не прекословь — она сильней!
Ты победить ее не можешь!
Сопротивленьем только множишь
Опасный блеск ее огней...
Заметил сразу появление
Натали Гончаровой свет;
Повсюду шепот удивленья
Летел красавице вослед.
На первом бале встретясь с нею,
Был Пушкин ею ослеплен
И очарован... иль вернее —
Как пылкий юноша влюблен.

Так в черновой своей тетради
Поэт влюбленный размышлял
О тонком, но смертельном яде,
Что сладко душу отравлял:
«Я восхищен, я очарован,
Короче — я огончарован.
За нею всюду я стремлюсь
И встреч с ней жажду и боюсь...
Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей:
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей...»
Так любит лишь поэт-мечтатель;
Все в ней одной: и рай и ад,
И жизнь и смерть.... Но здесь, читатель,
Слегка воротимся назад.

* * *

Между Калугой и Москвою,
Среди лесов, полей, озер,
За быстроструйною рекою
Стоит уныло с давних пор
Там Спасское село... Когда-то
В нем жили пышно и богато,
Но разорились... И теперь
Стучалась бедность громко в дверь.
Сама старуха Гончарова,
Владелица селений тех,
Одна всем правила сурово,
Держа в повиновенье всех.
Трех дочерей своих прекрасных
— Всегда покорных и безгласных —
Она держала под замком...
Не в радость был им отчий дом...
Средь разных странниц, приживалок
И чтимых матерью ханжей,-
Росли красавицы свежей
И краше полевых фиалок.
В неволе бились их сердца,
Покорны прихоти случайной
Полубезумного отца
И властной матери... И тайно
В полночной тишине одни
О счастье грезили они...
Не сладкая была их чаша:
Так ветер гнет к земле траву...
Когда же подросла Наташа -
Мать повезла ее в Москву.
...Обнажены впервые плечи...
Вот первый робкий выезд в свет...
Успех... Пленительные встречи...
И всеми признанный поэт

В числе других, в толпе блестящей,
За нею роем пчел летящей.
Его любовь Наташе льстит,
Но жизнь ей лучшее сулит...

Стремленье пылкого поэта:
Отдать всю жизнь ей навсегда —
Осталось как-то без ответа...
Сказала мать и «нет» и «да»:
— «Наташа слишком молода».
Заволокло вокруг туманом...
Чем рану сердца исцелить?..
Тоска... - «Гони, ямщик, к цыганам!»
Всю ночь бездумно с ними пить,
В вине печаль свою топить!..
Прочь от холодной Гончаровой,
От рая недоступных нег!..
И мчится Пушкин по Садовой...
Взрывают санки легкий снег.

Куда бежать от наважденья?
Чем охладить сердечный жар?
И где найти освобожденье
От колдовских всесильных чар?
Любовь! блаженством иль проклятьем
Пересекаешь ты наш путь?
В твоих губительных объятьях
Нашел ли счастье кто-нибудь?

* * *

Вот в тучах молния сверкнула,
И грянул в небе первый гром.
Земля, омытая дождем,
Душистой свежестью вздохнула..
Уже предчувствия весны
В прохладном воздухе разлиты:
Прозрачны ночи, ярче сны,
И почки на кустах раскрыты...
Мы чувствуем тебя, весна,
По беспричинному волненью
И по неясному томленью,
Которыми душа пьяна...
Улыбки ярче засветились
Не для тебя ли на устах?..
Сердца, как почки на кустах,
Мечтам обманчивым раскрылись...
Поет весенняя свирель,
Звонят проснувшиеся струны:
Привет тебе, привет, апрель,
Всегда волнующий и юный!..
Церквей кремлевских купола
Лучи апреля освещают...
И Светлый Праздник возвещают

Московские колокола!
Пасхальный звон плывет повсюду —
С земли до голубых небес,
Веща радостному люду:
Христос Воскрес! Христос Воскрес!
Прохожий каждый принаряжен:
Надела более колец
Купчиха пышная. Купец
Приглажен, важен, напомажен.
Из лавки дюжий молодец,
В заботах высохший чиновник,
В мундир затянутый полковник
И на углу городской —
Все покоряются невольной
Весенней радости живой,
И звон ликует колокольный
Над белокаменной Москвой.
Друг друга братски обнимают
Во имя светлое Христа,
И истово к устам уста
Все троекратно прижимают.
Святой обычай старины:
Открыты каждому объятья,
По духу люди все равны,
Пред Богом все родные братья!
Толпа нарядная спешит...
Несутся по дорогам тряским:
Кареты, дрожки и коляски...
По камням звонкий стук копыт...
Повсюду говор оживленный...

Покинув берега Невы,
Спешит по улицам Москвы
Поэт, надеждой окрыленный.
В Петровом городе, вдали,
Вновь слуха Пушкина коснулась
Весть об успехах Натали,
И с новой силой страсть проснулась...
От князя Вяземского он
Узнал, что обе Гончаровы
К нему не так уже суровы
И благосклонно шлют поклон...

...Он, стукнув дверцами кареты,
Взбегает быстро на крыльцо.
Полно любезного привета
Слуги почтенного лица.
Прислуга как-то тороплива,
Подобострастна и тиха.
Поэт почувствовал тут живо,
Что так встречают жениха.
Отец и мать сидят в гостинной.
Пасхальный стол уже готов:

Меж куличей, яиц, цветов —
Сверкают радугою вина.
С бокалом блещущим Аи
Отец идет ему навстречу,
Раскрыв объятия свои...
И льются дружеские речи.
Выходит робко Натали:
Бледна, испугана, покорна...
В слезах отец и мать ушли
В другую комнату проворно...
Иконы вынесли, потом:
Своих детей благословили,
И о приданом за столом
Отец и мать заговорили,
И о своих делах плохих...
Но счастлив Пушкин — он жених!
Он — переполненная чаша!
Навек теперь его Наташа!

* * *

Лишь после тягостных преград
Через год — их пышно обвенчали.
В душе поэта целый ад
Кипел сомнений и печали.
Пред самой свадьбой, тих и строг,
Прощался он с цыганкой Таней
И, песни слушая, не мог
Сдержать мучительных рыданий.
Никто не мог понять, что с ним:
Жалел ли он свою свободу
Или, предчувствием томим,
Свою грядущую невзгоду
Почуял в сумрачной дали?...
Иль видел он, что Натали
Своим родителям послушна —
К нему же только равнодушна?..
А в церкви, возле алтаря,
Кольцо невеста уронила:
Примета мрачная... Не зря,
Должно быть, грусть его томила.
Не мог расправить гордых крыл
Поэт под гнетом суеверий...
...И вот таинственные двери
Он к новой жизни вдруг раскрыл!..

* * *

...А что же героиня наша,
Поэта первого жена,
Чего беспечно ждет Наташа,
В какие сны погружена?
Неся, как крест, девичью долю,
Слепой покорностью полна,
За шалость детскую, не боле,

Ждать строгий выговор должна,
Всегда нуждой удручена —
Как узник молодой, она
Из плена вырвалась на волю!..
Слегка взгрустнула первый день,
Расставшись с прежнею привычкой,
Но грусть растаяла, как тень —
Она вспорхнула вольной птичкой.
Быть может, князь Мещерский был
Жених богаче и красивей,
Но Пушкин так любезно мил,
Что будет с ним она счастливей,
И рядом с Пушкиным она
Глядит не просто светской дамой,
Но, как Психея с полотна,
Окружена блестящей рамой.
Теперь гостиная ея,
Лиловым бархатом обита,
Карета четверней своя,
И шубка соболем подбита...
А вскоре после свадьбы бал
Она устроила и ужин:
Затанцевал и стар и мал;
Кружок гостей был мил и дружен...

* * *

Прекрасно Царское Село
В июле: лучезарно небо,
Вокруг все пышно расцвело,
Горя в лучах златого Феба.
Разросся царскосельский сад:
Дубы темнеют великаны,
Седые тополи блестят...
В тиши задумчивых прохлад
Журчат прозрачные фонтаны...
В зеленом кружеве кустов
Недвижно статуи светлеют,
И бабочки среди цветов
Бесшумно крылышками веют.
Дыханье сладкое струит
Полу дремотный полдень знойный.
С своей «Мадонной», тонкой, стройной,
Поэт над озером стоит...
Как будто в смутном сновиденье,
В воде струится отраженье
Оборок белых Натали
И ив, склоненных до земли.
В зеркальном отблеске вдали
Слегка белеют очертанья
Скользящих тихо лебедей...
Под сводами густых аллей
Везде живут воспоминанья

Лицейских невозвратных дней:
Ученье... Детские желанья...
Державин... Первые мечты...
О, время, быстрою волною
Бесследно все смываешь ты
И с каждой новою весною
Рождаешь новые цветы!..
И так же равнодушно косишь,
И беспощадно, мнешь и рвешь...
Куда бывшее ты уносишь?..
Откуда новое берешь?..
Поэт вздохнул... и вновь, беспечно
Смеясь, взглянул на Натали;
Он с нею счастлив бесконечно:
Давно сомненья все прошли...
Хоть топают сердито ножкой,
Ревнуя Пушкина немножко
К его поклонницам, жена,
Ему всем сердцем предана,
Всецело им владеть желая...

Шагов тяжелых близкий шум
Отвлек его от этих дум,
И он увидел Николая...
По саду медленно гуляя,
К ним царь шел: статный, молодой,
С красивой гордой головой.
В спокойном царственном величье,
Плечом касаясь до ветвей,
Где голоса звенели птичьи,
Он шел один в тени аллеи...
Взглянул на Пушкиных с улыбкой...
И, ярко вспыхнув, Натали
Полувоздушный стан свой гибкий
Пред ним склонила до земли...
Царю понравилась Наташа:
— «Итак, мой Пушкин, ты женат, —
Промолвил он, — и не богат:
В твоём горшке должна быть каша;
Желая для тебя добра —
Дозволю вход тебе в архивы:
Ты для страны своей правдиво
Пиши историю Петра...»
Таким вниманием неожиданным
Был тронут искренно поэт,
А Натали в волненье странном
Царю глядела долго вслед...

* * *

Опять метели, вьюги, холод...
Опять веселый скрип саней...
Вновь на морозе каждый молод...
Живее взор, лицо красней.

Зима жемчужным покрывалом
Легла на золото лугов...
Шумит блестящий град Петров:
Сверкает пышный бал за балом,
И всюду Пушкины... Они
Свои растрачивают дни
В забавах света суетливых.
Они танцуют до утра,
А днем, для Муз нетерпеливых,
Для Пугачева и Петра —
Он зарывается в архивах...
Без вдохновенья жизнь пуста,
И вот в порыве увлеченья
Поэт бросает развлеченья
И посещает те места,
Где Пугачева след остался,
Чтобы из мглы минувших дней
Мятежный лик обрисовался
Правдоподобней и сильней.
Он долго бродит под Казанью...
Как пчелка мед берет с цветов:
Сбирает давния сказанья
От Оренбургских казаков
Про Пугачевские потехи...
Но дивный образ Натали
И светские ее успехи
Его преследуют вдали...
Влечет с неудержимой силой
Скорей домой в объятия милой,
И он, не дописав главы, —
Летит на берега Невы.
И в полночь видит облик строгий
Петрова города. Быстрей
И пешеходов, и саней
Метель несется по дороге,
При тусклом свете фонарей
Алмазным облаком блистая;
Слепит глаза снежинок стая,
В воротнике бобровом тая.
Поэт по Невскому спешит,
И, белоснежный пух взрывая,
Несутся санки. Снег скрипит.
Тебя, красавицу Отчизны,
Забуду ль, русская зима?
Люблю твой облик живописный,
В снегах забытые дома...
И вас, невесты под венцами,
Ряды берез... и зыбкий снег...
И зимней тройки с бубенцами
Люблю неистовый разбег!
Когда зажмуривши ресницы,
Лицо закрывши рукавом —

Летишь быстрее вольной птицы
В алмазном вихре снеговом!..
Поэт своей «Мадонне» верит:
Она ведет себя умно.
Вот дом их... Отворяет двери:
Но тихо в доме и темно...
Слабея, руки вдруг упали...
Он встречи ждал совсем иной...
— «Где барыня?» — «Оне на бале
Сегодня у Карамзиной...»
И санки вновь его помчали
По снежной улице ночной...
Вот дом Карамзиных... Карету
Своей жены он узнает...
За Натали лакея шлет,
А сам идет в ее карету...
Благоуханье слыша тут
Духов знакомых — улыбнулся:
— «Скажи: домой скорей зовут,
Да не болтай, что я вернулся...»
В мазурке с Вяземским она
В тот миг скользила по паркету,
Но, вызовом удивлена,
Покинув бал, спешит в карету...
Спадает мех с ее плеча...
Как хороша! Как разодета!..
И попадает сгоряча
Она в объятия поэта.
Счастливый смех сменил испуг:
— «Ах, как я рада, милый друг!»

* * *

Бал... В залах, ярко освещенных,
Сверкают зеркала, паркет,
Портреты в рамах золоченых —
Немая жизнь минувших лет...
Среди колонн и изваяний,
Старинной бронзы и гербов,
Саксонских ваз, живых цветов,
Придворных низких приседаний —
Царит волненье ярких встреч...
Красивы женские наряды
И нежно-белый мрамор плеч,
Надменно-ласковые взгляды,
Спокойно-сдержанная речь...
Блестят извивы аксельбантов,
Петлицы, звезды, ордена...
Средь облаков из кружев, бантов —
Белеет гибкая спина
Натали Пушкиной. Она,
Венцом вельмож окружена,
Среди мундиров рамы синей

Прекрасной кажется богиней.
Своей красой упоена,
Весельем, музыкой, успехом —
Средь чопорной толпы она
Звенит счастливым юным смехом.
Сам венценосный исполин,
России мощный властелин,
Психею издали заметя —
Подходит к ней... Недавно в свете
Кривые толки поползли:
Царь очарован Натали.

Но где же он, певец России,
Любимец Муз, кумир толпы?..
Средь этой блещущей стихии,
Великосветской суеты —
Где он, крылатый царь мечты?..
Увы, никто узнать не может
Былого Пушкина теперь:
Его немая боль тревожит —
Так иногда плененный зверь
С бессильным стоном цепи гложет!
Где прежний блеск и острота
Его ума?.. — залог успеха...
Движений ловких быстрота
И звонкие раскаты смеха?..
Печален, молчалив и сир,
Тоской, отчаяньем томимый,
В свой камер-юнкерский мундир
Затянутый - им не любимый -
На Натали бросал он взор,
И в нем горел живой укор.
В толпе он слышал замечанья:
- «Да, Пушкин, как поэт, упал -
Он нынче царедворцем стал.»-
«По собственному ли желанью
Он посещает каждый бал?..»
— «Зачем его так нарядили?..»
Вдали, у бархатных завес,
Стоял, смеясь, барон д'Антес
С маркизом де Пина. Следили
Они за Пушкиным. — «Смотри, —
Сказал д'Антес, — какой Отелло!
Она ж прелестна... Дня чрез три
Я подразню его...» — «И дело!» —
Барон де Геккерен сказал:
Он злобу к Пушкину питал
За эпиграммы — «Действуй смело!».

От политических врагов,
Из Франции бежав недавно,
Искатель счастья и чинов
Дантес — красавец своенравный —

С маркизом де Пина прием
Нашли в России простодушный,
И покоряли с каждым днем
Свет — модной прихоти послушный.
Дантес, обласканный двором,
Теперь кавалергард блестящий,
Нашел второй здесь отчий дом,
Успех изведав настоящий.
Посол голландский, тонкий льстец,
Художества большой любитель
И древних мастеров ценитель,
Барон де Геккерен — отец
Приемный юного Дантеса —
Считал количество сердец,
Что разбивал его повеса...
— «Смотрите: вот идет к жене
Ее рассерженный ревнивец...»
— «Все ж, муж красавицы—счастливец!
Ему завидую вполне...»
— «Какою кажется высокой,
В сравненьи с Пушкиным, жена...
Он тускл пред львицей черноокой —
Не пара для него она...»

* * *

«Чем чаще празднует Лицей
Свою святую годовщину,
Тем робче старых круг друзей
В семью стесняется едина.»
Теперь уж многих, многих нет...
Судьба рукою равнодушной
Сметает все... Прошло шесть лет,
Как умер Дельвиг добродушный...
И вот опять друзья сошлись
Для ежегодного свиданья,
И за шампанским полились
Потоками воспоминанья...
Среди всеобщего веселья
Один лишь Пушкин был угрюм.
Молчал он и не слушал речи...
Его смущенный, гордый ум
Горел в тисках противоречий...
Простого счастья заменить,
О, слава, ты, увы, не можешь!..
Как пламя, душу только гложешь,
Пытаясь всю опустошить!..
— «Поклон поэту-славянину! —
С бокалом Яковлев встает. —
Пускай для нас он пропоет
Святую нашу годовщину».
И оживленный круг друзей
Поэта с просьбой обступает:

— «Ну, Пушкин, вспомни наш Лицей!».

Поэт встает и начинает:

«Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался...»
И замолчал... Друзья вокруг
Полны волненья и вниманья.
Поэт склоняется... и вдруг
Глухие слышатся рыдания...
Он дальше продолжать не мог...
Ужель от тайного страданья
Поэт так тяжело изнемог?..
Певец любви, кто вечно радость
И солнечную жизни сладость
На звонкой лире воспевал —
Ужели это он рыдал?
Чей ясный ум, чей ум пылливый
Пути указывал во мгле...
Тогда кто ж может быть счастливым
На этой пасмурной земле?..

* * *

Зима... Кругом: снега, снега
Алмазной россыпью блистают...
Поет и кружится пурга,
Пути-дороги замечает...
Все забелив, засеребря,
Скрипят суровые морозы...
В снега закутались березы,
Не дожидаясь ноября...
Уже горят дрова в камине,¹
Струится бледный свет в окно:
Какой-то скучный, мертво-синий...
Проснулся Пушкин уж давно,
Верней: не спал всю ночь и тщетно
На невозможное поэт
Искал ответа... И рассвет
Подкрался зимний незаметно.
Он видел ясно, что жена
Лишь ищет светских развлечений
Везде с Дантесом — чем она
Невольно будит рой сомнений.
Казаться в обществе смешным,
Хоть без причин — невыносимо!
Какой же выход перед ним?
Уйти?.. Смотреть сквозь пальцы мимо?..
Светлело... Пробуждался дом...
Зашевелилась жизнь кругом...
Заспорили о чем-то дети,
И кто-то строго закричал.
Поэт не любит звуков этих.
Вдруг в двери кто-то постучал.
Письмо!.. Что может значить это?..

Он рвет печать... скорей, скорей!
— Его лицо снегов бледней —
Раздался тяжкий стон поэта...
Нет, невозможно!.. Клевета!..
Нет, Натали совсем не та!..
Закрыв лицо, в изнеможенье,
Он головой к столу припал.
Какое хрупкое сложенье...
Как он беспомощен и мал...
В письме намек... Нет, утверждение!
В нем сказано: его жена
Ему уж больше не верна!
Что это? ложь иль заблужденье?
Жена к нему любви полна -
Ведь не притворщица она?!..
Его Мадонна, друг сердечный,
С ее душевной чистотой,
С ее природной прямою -
С Дантесом любит смех беспечный,
Не больше! Ну, а Тот... нахал...
В душе предательской и низкой -
Иные замыслы питал
И подошел уж слишком близко
К Наташе, потешая свет...
Как душен тесный кабинет!
Вдвоем им места в жизни нет!
И тотчас непоколебимо
Он шлет, страдая нестерпимо,
Дантесу вызов на дуэль...
А за окном поет метель...
Какое дело ей до муки
Людей: слезу ль ты уронил,
Или, в тоске ломая руки,
Навеки счастье хоронил?..

Поэт, придя в себя немного,
К жене в гостиную идет.
Лицо печально, бледно, строго...
Но тщетно он ее зовет...
— «Нет дома, — отвечает тихо
Служанка. — Возвратится в пять.
Сегодня ждет ее портниха:
Для бала платье примерять».

Бывает день один - в который
Вся жизнь перевернется вдруг,
Когда клубок событий скорый
В безвыходный сплетется круг.
На имя многих лиц из света
Такие ж письма вдруг пришли,
И сразу к сведенью поэта
Их в то же утро довели.
Приехала... Он слышит звонкий

Веселый голос Натали...
И в сердце меч вонзился тонкий:
Печаль и боль его прожгли.
Он на нее взглянуть не в силах...
Что ж может так его пугать?
Или в глазах родных и милых
Боится правду угадать?..
Пред Натали он долго, грустно
Усталых глаз не поднимал...
— «Как платье сделано искусно!
Наташин голос прозвучал.
Ведь ты пойдешь со мной на бал?..»

* * *

Снаружи: жизнь без перемен,
И дни текут чередой бесстрастной.
Друзья искали бы напрасно
Следов страданий иль измен.
Поэт по-прежнему с женою
Везде является. Она
Немного сдержана, грустна...
Он бледен, с легкой сединою...
Не в силах только был поэт
Вернуть умолкнувшую Музу,
И удивлялся высший свет,
Что он так холоден к французу.
К Дантесу были все полны
Сочувствия и уваженья:
Нет никакой за ним вины,
Раз любит он сестру жены
И даже сделал предложенье.
Нет, Пушкин был неправ во всем:
Дантес, стремясь к своей невесте,
Так часто посещал их дом,
И потому всегда втроем
Их с Натали встречали вместе.
Для ревности причины нет...
Что ж так волнуется поэт?..

* * *

Но час свой каждому положен.
Дуэли двухнедельный срок
Кончался. Пушкин был тревожен...
Незримо веял темный Рок.

— «Теперь сходитесь!» — два врага
Взглянули хищно друг на друга.
Повсюду стелятся снега,
И мечется седая вьюга...
Под хмурым пологом небес

Земля, как в саване, зимою...
Темнеет траурной каймою
Невдалеке сосновый лес,
И гулко каркает ворона...
Вот первый выстрелил Дантес,
И Пушкин падает без стога
В снега глубокие... Блестя,
Упали в снег два пистолета...
Спешит к упавшему, грустя,
Данзас, лицейский друг поэта.
Чернел каймой угрюмый лес...
Поэт вдруг приподнялся быстро:
— «На место, господин д'Антес,
За мной еще остался выстрел!..»
И долго целился в врага,
В снег погружаясь локтем левым.
Метель с рыдающим напевом
Взметнула зыбкие снега.
Раздался выстрел... Покачнувшись,
Противник Пушкина упал.
Поэту дурно... Но, очнувшись,
Он: «Браво! браво!..» — закричал.
И вновь с закрытыми глазами
На снег склонился недвижим...
Судьба бесшумными крылами
Незримо веяла над ним...

* * *

Столпились люди, сани, тройки...
— «Он ранен?» — «Около бедра...»
Пред домом Пушкина на Мойке
Толпа волнуется с утра...
Студенты, барышни, артисты,
В лаптях простые мужики,
Учителя и гимназисты:
Шинели, шубы, армяки...
У всех на лицах возмущенье:
— «Пришелец руку смел поднять
На Пушкина! Он смел отнять
России славу! Нет прощенья
Убийце!». Бурная волна
Негодования прокатилась
По всей России. Вся страна
Ужасной вестью возмутилась.
А высший свет еще вчера
Не понимал всего значенья
Дуэли... Только лишь с утра,
Увидев вдруг ожесточенье

Толпы, — тогда лишь понял свет,
Кем был для родины поэт!

В толпе жену во всем винули.

— «Но, может быть, болтают зря?..»
Кой-где тихонько говорили:
— «Сегодня ночью привозили
Письмо поэту от царя.
В нем обещает он поэту
Жену, детей его пригреть
И просит следовать совету:
Христианином умереть.
Царь не хотел его дуэли
И Бенкендорфу приказал
Не допускать... Но не успели...
Поэт все скрыл... И о дуэли
Никто не ведал и не знал...»
В толпе старушка говорила:
— «Подметных писем клевета
Поэта нашего убила».
Студент вскричал: «Его сгубила
Большого света пустота!..»
— «Он должен был бы свет оставить
И к нам, его друзьям, прийти!..»
Вскричал другой: «Он мог направить
В иные стороны пути!..»
— «Все ж повод для дуэли странен...»
— «Гнала его на смерть тоска».
— «Его противник тоже ранен?»
— «Рука прострелена слегка...»
Все зябли... Лица посинели...

Но чутко, затаивши дух,
О всех подробностях дуэли
Ловили жадно каждый слух.
Гусар, волнуясь чрезвычайно,
Рассказывал, что на пути
Был случай Пушкина спасти:
Он встретил Натали случайно.
С Данзасом ехал он. Полна
Народу улица... Смеркалось...
Навстречу ехала жена:
Она с гулянья возвращалась.
О, если бы она тогда
На миг в их сторону взглянула:
То эта страшная беда
Легко бы Пушкина минула!
Напрасно пробовал Данзас
Привлечь ее вниманье шумом:
Она не поднимала глаз,
А Пушкин погружен был в думы.
Кипела жизнь: проста, груба...
Душа же о душе скучала...
Но непонятная Судьба
Их беспощадно разлучала!
Грустны глухие голоса...

Все как-то кажется немило...
Сереют мутно небеса...
Туманно... холодно... уныло...

* * *

Какая ночь! ей нет конца!..
Нет дна и берегов мученью...
С прозрачной бледностью лица,
Легка, подобно привиденью,
Стояла Натали, таясь,
В сенях пред дверью кабинета,
Внимая стонам и боясь
Рыданьем огорчить поэта.
Как на душе ее темно!
Одни обломки разрушенья...
Так много было ей дано
И все потеряно в мгновенье!..
Он не умрет!.. Не может быть!..
Ужель она своею властью
Так легкомысленно разбить
Могла их сказочное счастье?!..
Она раскрыть боится дверь...
Из-за нее ль он так страдает?..
Винит ли он ее теперь?
И почему не призывает?..
Уже священник приходил,
Весь сединами убеленный;
В последний путь благословил,
Величьем смерти умиленный.
Раздавлена, утомлена,
В соседней комнате свалилась
И задремала вдруг она;
Ей счастье прежнее приснилось:
Озера Царского Села...
Полудремотные аллеи...
Она нарядна, весела,
С поэтом... Он ей всех милее!..
И в этот самый краткий миг,
Пока спала — из кабинета
Такой раздался страшный крик
Страдающей души поэта!..
Слабея, из последних сил,
Изнемогающий от муки:
— «Жену зовите!» — он просил,
К дверям протягивая руки...
И с воплем горести жена,
Вбежав, припала к изголовью.
— «Прощай! во всем моя вина...»
— Ей прошептал поэт с любовью.
— «Ты не умрешь!.. Нет, верю я,
К нам счастье возвратится снова!»
Вокруг пришедшие друзья

Теснились у одра больного...
— «Он будет жить!..» — в тоске жена
С надеждой смутной говорила.
— «Жизнь кончена, — сказал поэт, —
Но мир я с миром оставляю...
Дантесу искренно прощаю...
Всем, всем прощальный мой привет!»
Уж смерть холодными устами
Приникла к бледному челу
И в сердце, жившее мечтами,
Вонзала легкую стрелу
Забвенья
Жена, широкими глазами
Впиваясь в бледные черты,
Шептала скорбными устами:
— «Я здесь, мой друг, что хочешь ты?..»
А в голове рзгоряченной
Мечта упрямая жила:
«Смерть прогоню, друг обреченный,
Как прежде Музу прогнала!..»
Но та соперница слабее
Или пугливее была,
А эта властно, не робея,
Его в далекий путь звала...
Слабеет тихое дыханье...
Припав к лицу его, в слезах
Читает в гаснущих глазах
Она последнее желанье:
«Когда наступит страшный срок
Уйти из жизни в жизнь иную,
Когда навек в ночь ледяную
Перешагнем через порог —
Тогда запомни, друг сердечный,
Ненарушимый наш зарок:
Найти друг друга в ночи вечной!».
— Глухая тишина настала...
Все тише, реже он дышал...
Миг — и поэта вдруг не стало!..
С своей божественной мечтой
Поэт навеки сочетался...
В лице торжественный покой
Нездешним светом разливался...
Но ясен лик... Отражена
На нем божественная сила.
Разгадку ледяного сна
Седая вечность уносила...

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Его пленительные песни
Звучат все шире, все чудесней,
И, всех людей объединив
Под незабвенной славной сенью,
Его огромный гордый гений
В сердцах людских навеки жив.

Вся Отчизна в праздничном цветенье
Словно песня, льется вешний свет,
Здравствуй, Пушкин! Здравствуй, добрый гений!
С днем рожденья, дорогой поэт!

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ №1
С. ХАЗАНОВА
RONDE DE JAMBE PAR TERRE
(фрагмент)

The first system of musical notation consists of two staves. The upper staff is in treble clef and the lower staff is in bass clef. The key signature has three sharps (F#, C#, G#) and the time signature is 3/4. The music begins with a piano (*p*) dynamic. The upper staff features a melodic line with eighth and quarter notes, while the lower staff provides a harmonic accompaniment with chords and single notes.

The second system continues the piece with two staves. The piano (*p*) dynamic is maintained. The melodic line in the upper staff continues with eighth notes and quarter notes, and the bass line in the lower staff provides a steady accompaniment.

The third system shows a change in dynamics. The upper staff begins with a piano (*p*) dynamic, which then transitions to a mezzo-forte (*mf*) dynamic. The lower staff continues with a consistent accompaniment.

The fourth system features a mezzo-forte (*mf*) dynamic. The upper staff includes a trill (*tr*) and a fermata (*S*) over a note. The lower staff continues with a steady accompaniment.

The fifth system concludes the fragment with two staves. It includes first and second endings, marked '1.' and '2.' respectively. The first ending leads back to an earlier part of the piece, while the second ending provides a final resolution.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ №2
А. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР.
ЗИМУШКА. СОЧ.11 №21

Спокойно

p

mf *f* *p*

dim.

poco rit.
немного замедл.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ №3

Имитация бубенцов тройки

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ №4
А. ПЕТРОВ
ФРАГМЕНТ ИЗ ВАЛЬСА ИЗ ТЕЛЕФИЛЬМА «ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТАЙНЫ»
(Фрагмент)

First system of the musical score. It consists of two staves: a treble clef staff and a bass clef staff. The key signature has two flats (B-flat and E-flat). The time signature is 3/4. The first measure of the treble staff has a chord symbol Fm above it. The dynamic marking p is placed below the first measure of the bass staff. The music features a melodic line in the treble staff with slurs and a steady accompaniment in the bass staff.

Second system of the musical score, continuing from the first. It consists of two staves. The treble staff continues the melodic line with slurs. The bass staff provides accompaniment. The key signature remains two flats.

Third system of the musical score. It consists of two staves. The treble staff has a chord symbol G^7 above the first measure. The dynamic marking mp is placed below the first measure of the bass staff. The melodic line in the treble staff continues with slurs.

Fourth system of the musical score. It consists of two staves. The treble staff continues the melodic line with slurs. The bass staff provides accompaniment. The key signature remains two flats.

Fifth system of the musical score. It consists of two staves. The treble staff has chord symbols C^7 and D^b above the first and second measures respectively. The dynamic marking mf is placed below the first measure of the bass staff. The melodic line in the treble staff continues with slurs.

Sixth system of the musical score. It consists of two staves. The treble staff has a chord symbol Cm above the first measure. The dynamic marking p is placed below the first measure of the bass staff. The word "замедляя" (ritardando) is written above the first measure of the treble staff. The melodic line in the treble staff continues with slurs.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ №5
Р. ШУМАН
ВАЛЬС
(Фрагмент)

Andantino

The musical score is presented in four systems, each with a grand staff (treble and bass clefs). The key signature is one flat (B-flat major or D minor), and the time signature is 3/4. The tempo is marked 'Andantino'. Dynamics include *f*, *sf*, and *p*. Performance markings include 'Ped.' (pedal), 'Ped. *' (pedal with asterisk), and 'Fine'. The score includes various musical notations such as slurs, ties, and accents.

f *sf* *p*

Ped. Ped. * Ped. * Ped. *

Fine Ped. Ped. * Ped. * Ped. Ped.

Ped. Ped. Ped. Ped. Ped. *

Музыкальная иллюстрация №6
В. ЩЕРБАЧЕВ
РОМАНС
(Фрагмент)

Lento

The image displays a musical score for a piano piece, consisting of three systems of staves. Each system contains a grand staff with a treble clef on the upper staff and a bass clef on the lower staff. The key signature is three flats (B-flat, E-flat, A-flat), and the time signature is 3/4. The first system begins with the tempo marking "Lento" and the dynamic marking "mp espress.". The music features a melodic line in the right hand with long, flowing phrases and a supporting bass line in the left hand. The second system continues the melodic development, and the third system concludes the fragment. The notation includes various musical symbols such as slurs, ties, and dynamic markings.

Музыкальная иллюстрация №7
ДЖ. ФИЛЬД
НОКТИЮРН
(фрагмент)

Andantino
mf cantabile

P *legatiss.* *rit.*

The musical score is presented in three systems, each with a treble and bass clef. The key signature is one flat (B-flat major or D minor), and the time signature is 3/8. The first system includes the tempo marking 'Andantino' and the performance instruction 'mf cantabile'. The bass line is marked 'P' (piano) and 'legatiss. rit.' (legatissimo, ritardando). The score features a flowing melody in the right hand and a complex, rhythmic accompaniment in the left hand, characterized by frequent triplets and slurs. The notation includes various fingerings and articulation marks such as accents and slurs.

Музыкальная иллюстрация №8
Р. КРЕЙСЛЕР
ПРЕКРАСНЫЙ РОЗМАРИН
(Фрагмент)

Allegretto

p

3

3

1

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ №9
А. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР.
ЗИМУШКА. СОЧ.11 №21
(Фрагмент)

Спокойно

p

mf *f* *p*

dim.

poco rit.
немного замедл.

Музыкальная иллюстрация №10
М. КРУТИЦКИЙ
ЗИМА

Спокойно

The first system of the musical score consists of two staves. The upper staff is in treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a 2/4 time signature. It contains three measures of music, each with a half note and a fermata. The lower staff is in bass clef and contains three measures of music, each with a half note and a fermata. The first measure of the lower staff is marked with the dynamic *mp* and the number 2. The second measure is marked with the number 2. The third measure is marked with the number 5. The system concludes with a double bar line.

The second system of the musical score consists of two staves. The upper staff is in treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a 2/4 time signature. It contains four measures of music, each with a half note and a fermata. The lower staff is in bass clef and contains four measures of music, each with a half note and a fermata. The first measure of the lower staff is marked with the dynamic *p* and the number 1. The second measure is marked with the number 3. The third measure is marked with the number 1. The fourth measure is marked with the number 1. The system concludes with a double bar line.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ №11
 Р. ШУМАН
 ЛИСТОК ИЗ АЛЬБОМА СОЧ.99 №4
 (Фрагмент)

Ziemlich langsam

p

дид * дид * дид * дид * дид * дид *

[*ral.* при повторении]

pp

дид * дид * дид * дид * дид * дид *

una corda

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ №12

Э. МАТВЕЕВ

РОМАНС

(Фрагмент)

Спокойно, певуче, выразительно

Ф.п.

mp

cresc.

mf

mp

dim.

p

Музыкальная иллюстрация №13
Ф. ШОПЕН
НОКТИЮРН ДО ДИЕЗ МИНОР
(Фрагмент)

Lento con gran espressione

pp

3 *tr*

5 2 3 23 *tr* 43

♯♯ ♯♯ ♯♯ ♯♯ ♯♯

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ № 14
Г.СВИРИДОВ
РОМАНС ИЗ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ
К ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «МЕТЕЛЬ»
(Фрагмент)

The image displays a musical score for a piano and violin. The score is arranged in four systems, each with a piano part on the left and a violin part on the right. The piano part is written in a grand staff (treble and bass clefs), while the violin part is in a single staff with a treble clef. The music is in 4/4 time and features a melodic line in the violin and a harmonic accompaniment in the piano. The score includes dynamic markings such as *p* and *con Ped*, and phrasing slurs. The first system includes a *rit.* marking. The overall mood is somber and atmospheric, characteristic of the 'Snowstorm' scene in Pushkin's story.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ №15
Ю. ВЕСНЯК
БЛАГОДАРЕНИЕ
(Фрагмент)

Sostenuto cantabile

p

*Cea *Cea *Cea *Cea *Cea *Cea *Cea *Cea

*Cea *Cea *Cea *Cea *Cea *Cea *Cea *Cea

*Cea *Cea *Cea *Cea *Cea *Cea *Cea *Cea

*Cea *Cea *Cea *Cea *Cea

*Cea simile